

УДК 1 (091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.1.150

Л.П. КАРСАВИН О «ЖИВЫХ» ИСТОЧНИКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ¹

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Показано, как петербургский историк рубежа XIX–XX вв. Л.П. Карсавин воспринимал «живые» источники прошлого и как использовал их потенциал в своих работах по средневековой культуре. «“Живые” источники» – это современное понятие, оно обозначает следы прошлого, которые внутри достаточно интимного контекста актуализируют историческую память. К таким источникам относятся мифы, свидетельства очевидцев, личные воспоминания, семейные истории. Письменно зафиксированные, они могут выступать в качестве вспомогательных исторических источников. Сделан вывод о том, что для Карсавина легенды, мистика, традиции, энергия рода и талант индивидуальности – все эти символические следы прошлого – важны как средство художественного выражения исторической памяти.

***Ключевые слова:** Л.П. Карсавин, культура, философия, историческая память, интерпретация, миф, традиция, автобиография.*

Актуальность темы заключается в том, что за последние десятилетия у человека, с его виртуально-сетевым жизненным пространством, усиливается потребность в расширении поиска реальных форм культурной идентификации. Миф теперь рассматривается как способ кристаллизации бессознательной жизни людей [3, с. 11], а временной диапазон культурной памяти вздымается над индивидуальными барьерами и потенциально может быть продлен до бесконечности [1, с. 31–32].

Вопрос о смысловом содержании исторической памяти в исследовательской среде считается открытым, так как накопилось довольно много справедливых версий и подходов. В данной статье фокусируется внимание на понимании исторической памяти как единстве социального и культурного опыта, взятого в потенциально длинном временном горизонте. Б.Л. Губман и К.В. Ануфриева пишут в этой связи: «Именно на базе исторической памяти, сопрягающей опыт минувшего и настоящего, а также с проекциями будущего, возникает культурная самоидентичность» [2, с. 16]. Социальное в таком ракурсе определяет структуру исторической памяти и визуализирует ее формы, а культурное – наделяет прошлое современным знаково-символическим смыслом настоящего.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

Для содержательного проникновения в круг обозначенных вопросов полезно обратиться к наследию отечественных философов рубежа XIX–XX вв., в чьих трудах главным действующим лицом выступает историк, обращающийся к прошлому не только как субъекту познания, но и как субъекту жизни. Так, в воззрениях русского религиозного философа и историка-медиевиста Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) исследователь прошлого, благодаря разнообразным выразительным средствам, оказывается способным идентифицировать себя в диапазоне исторической памяти как индивидуализируемая личность, как «киное качество».

В своей работе «Культура средних веков» (1918) по форме Карсавин отказывается от методологического принципа и предпринимает синтетические попытки изложения материала, признавая, правда, их «рискованными» [4, с. 6]. Подобным образом в России еще никто не писал. Возникают ассоциации с сочинением Й. Хейзинга «Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции», но эта работа была издана год спустя, в 1919 г. В духе неокантианской идеи о ценностях культуры Карсавин берет за основу ключевые, на его взгляд, формы культуры и осуществляет их перекрестную референцию во времени и пространстве. Такой дискурсивный прием вызывает новый по силе резонанс: перед глазами читателя предстает динамичная картина смысловых структур и образов Средневековья.

Интерес Карсавина к теме мифа, традиции, энергии рода, таланта индивидуальности и потока жизни – некоторые из этих тем уже попали под перо исследователей. Отмечен методологический принцип Карсавина, как владение «историческим талантом», т. е. способностью понять историю и выразить себя самого (А.Д. Сикорин); дана оценка карсавинскому образу «вольной неполноты» вечности, способной вбирать в себя множество свободных творческих волей (А.Л. Доброхотов); изучен миф как модус эпохи, с точки зрения Карсавина [6, с. 327, 351, 355].

В данной статье предлагается заглянуть в творческий процесс Л.П. Карсавина, чтобы оценить то, как он работал с «живыми» источниками для сохранения исторической памяти.

В академической историографии рубежа XIX–XX вв. миф, показания очевидцев, слухи и другие приватные следы прошлого числились ненаучными и, разумеется, не рассматривались как исторические источники. Впервые эту традицию разорвал Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. То, что в наше время называют «живыми» источниками исторической памяти, он именовал «свидетельствами» ненаучного характера. При этом историк обращал внимание, что мифологический рассказ, предание, пересказ, слухи и т. д. важны для познания прошлого своей энергетикой и силой выразительных средств. Здесь вновь уместно привести цитату из «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, которая уже приводилась мною в более ранней статье: «Произведения фантазии или

вымысла вводят исследователя во внутренний мир человека известной культуры и дают возможность, хотя бы отчасти, пережить те настроения, аффекты, стремления и идеи, которые оказывались фактами его душевной жизни и обуславливали его действия», – пишет автор [8, с. 381]. Как строгий методолог, Лаппо-Данилевский предупреждает, что к такого рода источникам следует относиться крайне осторожно, поскольку их происхождение сомнительно, авторы виртуальны, а сами тексты можно считать в равной степени как достоверными, так и столь же недостоверными. Однако и он понимает, сколь важна для интерпретатора погруженность в ментальность прошлой эпохи.

В историко-философских работах Карсавина также звучит тема важности изучения «живых» источников. Ярче всего это видно в сочинении «Культура средних веков». Именно здесь легенды и мистика, напрямую не проговариваемые и методологически не описываемые, в буквальном смысле слова вплетены в историческое повествование средневековой эпохи. Это неудивительно, так как историософия Карсавина выглядела альтернативой традиционной университетской философии. Исследователи прямо именуют ее «первой попыткой самостоятельного продуцирования историософских идей» (А.В. Малинов) и отмечают общий драматизм русской методологии, пытающейся вырваться из дисциплинарных границ научной историографии (А.Е. Рыбас) [7; 9].

В интенции Карсавина, историк должен актуализировать в себе изучаемую эпоху. Для этого в равной мере ему нужно воспользоваться двумя обстоятельствами: использовать инструментарий научности (область источниковедения) и передавать личные, эмоционально переживаемые впечатления (область мифов, поэзии, искусства). Историк должен и способен «привести нас в непосредственное соприкосновение с душевностью прошлого» [5, с. 102]. Для максимально достоверного постижения прошлого исследователю важно пройти два этапа: сначала проделать предварительную, так называемую «черную работу» по поиску и классификации фактов и только потом, в обнаруженных терминах, начать говорить о социально-психической атмосфере прошлого. Историк должен «в себе актуализировать, т. е. понять изучаемую им эпоху, как момент общечеловеческого развития, и в ней понять само это развитие» [5, с. 219–220].

В историческом знании, признается Карсавин, всегда присутствует «измышленное». Оно имеет две формы: прямую и символическую. В первом случае следует уточнять границы убедительности исторического повествования. Никто не гарантирован от ошибок. Карсавин соглашается, что современная ему историческая наука накопила уже достаточный опыт борьбы с ними. Например, с помощью перекрестной референции можно подтвердить или опровергнуть показания очевидцев, изучить последовавшие за ними события, расширить и уточнить круг

свидетельств. Во втором случае следует признать неизбежную долю измышляемого и не запрещать, а, наоборот, поощрять авторов прибегать к литературным приемам изложения. Бессмысленно пытаться искоренить вымысел, так как возникнет опасность подмены, когда исторические труды будут сведены к хронологическим таблицам и перечню фактов. Как же тогда сохранить научность? С точки зрения Карсавина, это вполне возможно. «Художественно-творческая конкретизация исторической действительности должна быть понимаема как применение символического метода», – пишет он [5, с. 85]. И приводит следующий пример: «Важно не то, что встреча папы Стефана II с королем Пипином Коротким произошла именно так, как мы ее себе представляем. Может быть, конкретная обстановка ее была существенно иною. Но важно, что несомненно бывшая встреча в существе своем выразима и познаваема с помощью нашей конкретизации, как выразима и познаваема она и с помощью некоторых других конкретизаций. Мы придаем значение не самой конкретности и стремимся к ней не ради ее самой, а ради выражаемого ею, без нее нам недоступного» [5, с. 85].

Столь длинная цитата из текста Карсавина, разумеется, приведена не для того, чтобы легитимировать право на вымысел в исследовании прошлого. Речь идет об известном несовершенстве знания. На взгляд Карсавина, историк менее свободен в этом отношении, чем, например, очевидец или художник. Как это ни странно звучит, но исключительная почтительность к фактам может помешать верному конструированию прошлого. «И с меньшим, чем то обычно делается, скептицизмом надо отнестись к “речам” у древних историков, которые, как и их читатели, великолепно знали, что не *эти* на самом деле произносились. Следует быть строгим и точным; но не следует быть педантом», – констатирует Карсавин [5, с. 86].

Изучая историю Средних веков, Карсавин с пристальным вниманием следит за судьбой мифологических рассказов. Он наблюдает, как легенды – эти следы языческих представлений – проходят сквозь череду переписываний текстов и постепенно проникают в христианское верование. Благодаря склонности людей к мифологизации, вслед за ангелами и святыми в метафизический мир попадают реальные людские нравы и воззрения. «Святые, как и люди, любят почет и верность своих слуг. Они принимают под свое покровительство источники, местечки, племена и отдельных лиц, частью отнимая власть от стихийных духов», – рисует драматическую картину связи трансцендентного и земного Карсавин [4, с. 58]. Здесь видна и обратная сторона: легенды о святых оказываются включенными в повседневную людскую жизнь. Факты присутствия святых становятся осязаемыми, а все, что соприкасалось с ними, наполняется чудесной силой, исцеляющей недуги, защищающей от врага и помогающей во всех земных событиях. Так, св. Мартин Турский делается народным патроном франков, его плащ, принадлежащий династии

Меровингов, воины берут с собой в походы, а из земли на его могиле изготавливают целебное лекарство, «неописуемую микстуру», информация о которой засвидетельствована в книге Григория Турского [4, с. 59].

Три вида исторических трудов, согласно Карсавину, способны исследовать духовную жизнь эпохи – автобиография, биография и художественная литература. Из этой триады «истории души» в роли «живого» источника выступает автобиография как жанр личных воспоминаний субъекта эпохи. По наблюдениям Карсавина, летописцы X–XI вв. становятся именно такими автобиографами, которые вплетают сюжет своей жизни в разворачивающуюся на их глазах историю. Карсавину видится «жизненность движения» в таком зарождающемся интересе писателей к окружающей их повседневности.

Проявляя все более внимательное отношение к действительности, биографы начинают смело отождествлять себя с эпохой. Они пытаются подняться над простым перечислением событий, начинают искать их взаимозависимость и давать им личностную оценку. Для Карсавина иллюстрацией того, как могут непосредственно проявляться политические и религиозные пристрастия биографа, служит всемирная история Лиудпранда Кремонского. В оценке Карсавина, история видится в буквальном смысле этого слова сплетенной с автобиографией самого автора. В «Антаподосисе» (с лат. «Воздаяние»), «Деяниях Оттона» и других сочинениях Кремонского чувствуется, насколько писатель погружен в ментальность эпохи, насколько отождествляет себя с культурно-исторической ситуацией Средневековья. «То увлекаемый пафосом, то щеголяющий греческими словами, то рассыпающийся в сарказмах или легкомысленных анекдотах, Лиудпранд тонко воспринимает дипломатическую интригу, метко и ярко описывает византийский двор», – жанрово характеризует такое мастерство погружения в эпоху Карсавин [4, с. 102]. И здесь же, в продолжение мысли о сплетении воедино историка и реальной эпохи, Карсавин приводит еще один интересный пример. В латинской поэме «О Руодлибе», благодаря художественному мастерству ее автора, монаха из городка Тегернзее, перед читателем предстает немецкое общество, с его нравами и повседневностью: король, двор, рыцарь, купец и грубый мужик. Кажется, что со всеми этими персонажами автор поэмы только что общался, реагировал на их слова и действия.

Усматривая у средневековых историков-летописцев подобное «внимание к жизни», Карсавин считает, что оно имеет разноплановые проявления: от поисков новых художественных средств и формирования критического взгляда до потребности культурной самоидентификации. Внимание к жизни самым непосредственным образом связано с вниманием к себе и своей душевной жизни. «И то, и другое должно сказаться в религиозности, в богословии и философии, развитие которых параллельно развитию мирского начала, но по-прежнему является идеальным средоточием жизни» [4, с. 105]. Как следствие, особое внимание к жизни

и к самому себе помогает историку творчески, т. е. свободно и художественно перерабатывать прошлое.

Воспроизводство традиций, в разработках Карсавина, также можно отнести к его работе с «живыми» источниками. Наблюдая за тем, как в Средние века инстинкт государственности ведет к слиянию римских и германских начал, он выделяет хозяйственную и ментальную направляющую этого процесса. Хозяйственные начала – это разнообразные обычаи, нормы, дары, кормления, жалования, налоги, пошлины, штрафы и т. д. Ментальная традиция рисуется уже по-другому: через риторику «верности» государю, постепенно вытесняющую на задний план риторику «подчинения» [4, с. 49]. Римские традиции государственного подчинения – это для Карсавина «реальная реальность», реальные силы культуры. Идея верности, характерная для германской государственности, видится ему как «идеальная реальность», как символические силы культуры [4, с. 53].

В духе диалектической триады Гегеля «тезис – антитезис – снятие» Карсавин рисует собственную ментальную триаду, символизирующую поколенческое воспроизводство традиций. Тезис – это традиции подчинения, антитезис – это идеал верности государю, снятие – это энергия рода, разрушающая и то, и другое. Ход мыслей Карсавина видится таким: государственная идея подчинения со временем уступает место идеалу верности, который, в свою очередь, разрушается необузданной природной энергией свободы рода, чтобы потом вновь, уже обновленным, войти в спокойные берега традиции [4, с. 54].

Если сравнивать взгляды Лаппо-Данилевского и Карсавина на роль «живых» источников в конструировании исторической памяти, то видны общие посылы и очевидные различия. Общим является признание значимости мифов, рассказов очевидцев, символических ритуалов, верований и традиций. Различия в понимании «живых источников» кроются в методологической позиции историков. Лаппо-Данилевский работает с легендами и свидетельствами как строгий методолог. Он применяет преимущественно технический, по его собственному выражению, метод интерпретации исторических источников, впуская в свою научную историографию лишь психологию.

Как историк-медиевист Карсавин, разумеется, прекрасно понимает, насколько легенды ненаучны. Однако, будучи религиозным мыслителем, он интересуется судьбой языческих представлений, следит за тем, как они проникают в христианское вероучение, а также в разные пласты повседневной жизни людей Средневековья. Наконец, как художник Карсавин воспринимает легенды и мифы, мистику традиций, энергию рода, талант индивидуальности и другие проявления потока жизни как важные дополнительные средства понимания эпохи. Он ценит красоту их выразительных средств и обнаруживает глубину их укоренённости в многовековом полотне исторической памяти.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
2. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Историческая память и история в культуре глобального сообщества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 13–20.
3. Гуревич П.С. Рациональное и иррациональное в культуре // Философская антропология. 2016. Т. 2, № 2. С. 7–25.
4. Карсавин Л.П. Культура Средних веков. Киев: Символ & AirLand, 1995. 208 с.
5. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО Комплект, 1993. 351 с.
6. Лев Платонович Карсавин / под ред. С.С. Хоружего. М.: РОССПЭН, 2012. 527 с.
7. Малинов А.В. «Философия истории» Л.П. Карсавина и традиция преподавания философии истории в Петербургском университете // Соловьевские исследования. 2019. № 2 (62). С. 193–206.
8. Михайлова Е.Е. А.С. Лаппо-Данилевский: социокультурное значение «живых» источников прошлого // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: сб. ст. / отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. С. 179–194.
9. Рыбас А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский и критика контизма в социологии // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: сб. ст. / отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. С. 330–343.

L.P. KARSAVIN ON LIVE SOURCES OF HISTORICAL MEMORY

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

It is shown how the St. Petersburg historian of the turn of the XIX–XX centuries L.P. Karsavin perceived the «living» sources of the past and how he used potential of that sources in his works on medieval culture. «Living» source is a contemporary concept, these sources denote traces of the past, and in a rather intimate context actualize historical memory. These sources include myths, eyewitness accounts, personal memories, family stories. Recorded in writing, they can act as auxiliary historical sources. It is concluded that, for Karsavin, legends, mysticism, traditions, the energy of the clan and the talent of individuality are symbolic traces of the past and are important as an instrument of artistic expression of historical memory.

Keywords: *L.P. Karsavin, historical memory, interpretation, myth, tradition, autobiography.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университета», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru